

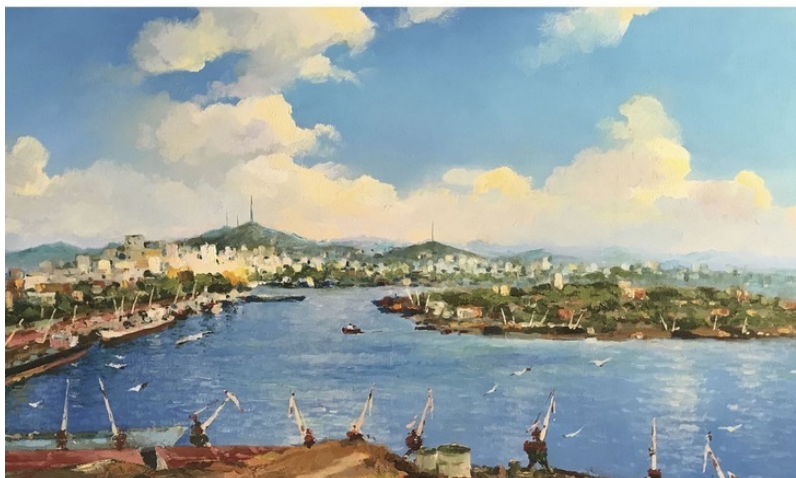
ТАТЬЯНА ТАРАН

Кикто

не ангел

*Рассказы и повести
из Владивостока*

Татьяна Гавриловна Таран

Никто не ангел. Рассказы и повести из Владивостока

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34394800

ISBN 9785449098467

Аннотация

В книге «Никто не ангел» (рассказы и повести из Владивостока) поднимаются темы, которые близки и понятны многим. Это взаимоотношения мужчин и женщин, вопросы чести и малодушия, радости и разочарования, надежды и любви. Каждый герой – со своим жизненным багажом, профессиональной состоятельностью и непростыми семейными отношениями. Как они справляются с грузом обстоятельств в современном обществе? Кто выходит победителем, а кто – проигравшим на этом поле битвы под названием «жизнь»?

Содержание

Туманная бухта	5
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Никто не ангел
Рассказы и повести
из Владивостока

Татьяна Гавриловна Таран

Редактор А. Черникова

Редактор Е. Ефимова

Художник В. Блоков

© Татьяна Гавриловна Таран, 2018

ISBN 978-5-4490-9846-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Туманная бухта

Повесть

1

Телефон художника Петрова лежал на подоконнике в мастерской и подолгу молчал, как и сам Петров. Старенькая чёрная «Нокиа» всегда стояла на зарядке, символизируя тем самым незримую, но надёжную связь художника с внешним миром. по проводам, антеннам и спутникам.

По правде сказать, в его телефонной книге было так мало контактов, что ждать частых переливчатых трелей было бы наивно и самонадеянно. Но Павла Семёновича вполне устраивало такое положение вещей. Тишина нужна была ему для работы.

Сегодня, ближе к вечеру, телефон нарушил обет молчания и заиграл свою фирменную мелодию – с последней высокой нотой. Петров отложил кисть, вытер руки ветошью, подошёл к окну и взял трубку, отсоединив её от шнура.

– Алё, на проводе.

– Здорово, Семёныч! Как жизнь, как здоровье? Всё пучком, всё в лучшем виде? – Петров узнал голос сокурсника по факультету живописи Виталия Семибратова – балагура и весельчака, ловеласа и гуляку в молодости, не оставившего

своих привычек и в зрелые годы.

– Привет, бродяга! Твоими звонками только и живу, – подыграл приятелю Павел, но, в общем-то, не соврал.

Виталик вёл активную светскую жизнь, занимал весомую должность в правлении местного отделения союза художников, благодаря чему был вхож в важные кабинеты, а также котировался у провинциального бомонда. Ухоженная внешность и тонкий вкус в одежде отличали его от собратьев по ремеслу, по большинству ценивших небрежность гардероба и лёгкую небритость (а то и вовсе бороду), как и подобает настоящим художникам. К тому же он преподавал мастерство в учебном заведении, и импозантный вид ему нужен был ещё и для восхищения студенток.

Время от времени Семибратов организовывал вернисажи в частных галереях и других культурных точках. Он собирал картины друзей и выпускников и имел свой процент с продаж. Семибратов не обучался законам маркетинга, полагался только на своё чутьё – и знал толк в этом, ловец человеческих душ. Публика на выставки ходит разношёрстная: одним нравятся натюрморты, другим горы, третьим абстрактная живопись. Сборную солянку из разных жанров, которую создавал Семибратов, разбирали охотнее, чем картины с персональных выставок.

Петрову он звонил чаще всего именно по этому поводу. Полотна Павла Семёновича были украшением любой экспозиции. Ультрамариновые пространства, раскинувшие-

ся между небом и землёй, были его стихией. Картины с морскими пейзажами охотно покупали в кабинеты чиновников, гостиные богатых домов, на подарки друзьям и партнёрам по бизнесу.

Был бы Петров известным художником, его бы называли гордым словом «маринист», как Айвазовского. Но судьба его была проста и незатейлива. Такая же, как и подпись на обратной стороне холста, в нижнем правом углу: П. Петров, на которую при покупке мало кто обращал внимание. А на фасад картины свою фамилию выносить не стоит – «не Репин, чай». Так ему мягко намекнули в одном из антикварных магазинов, куда он впервые сам отнёс свои работы.

– Пашка! Слышь, чего я придумал? – Энтузиазм в голосе приятеля означал новую выставку. И петров был этому рад, конечно же. Потому что тот первый поход в магазин отбил у него желание заниматься собственными продажами навсегда. – У меня идея! Мы же с тобой ровесники, юбилейный год, тосибоси... Давай отметим это дело персоналкой? Представляешь, Петров и Семибратов – звучит? На всех афишах, в новостях, по телеку покажут, народ валом. Я всё организую, ты меня знаешь!

Павел Семёнович усмехнулся, свободной рукой провёл по активно седеющим волосам. Чему тут радоваться, когда шестой десяток не за горами.

Да и персоналка – на двоих с Виталиком? Художник из Семибратова, грустно признать, не получился. Нет, он

знал, как смешивать краски на палитре и как обозначить свет от лампы на профиле лица в портретной живописи. Теоретически он знал в своей работе всё, не зря же был преподавателем. И даже картины свои иногда пристраивал в общий ряд коллективных выставок. Но не было в них души. Или таланта, если по-другому выразиться. Редкий гость выставок отваживался купить его работы.

– Что ты молчишь? Заценил идею? Твоя фамилия первой на афише будет, зуб даю! – Виталик покупал друга с потрохами и не слишком скрывал это. – Короче, Павлуха, я нашёл место, внутри всё в кирпичках, отделка сейчас такая – самая модная. Посреди стол огромный с лавками, стругаными, не крашеными. Точкой современного искусства называется. Народ будет сидеть и любоваться твоими пейзажами и моими абстракциями. Распиарим, у меня журналисты на подхвате, будет звон по всем аулам. она, конечно, далековато находится, точка эта, на окраине города, но что делать? Они недавно открылись, им нужна раскрутка, а тут мы! Я уже почти договорился, практически даром. Оставим им в подарок пару полотен для украшения интерьера, а остальное продадим. Давай, не думай! Что молчишь?

– Так ты слова вставить не даёшь! Уже всё решил, обо всём договорился. Молодец, браво, действуй. Меня вот только не спросил.

Идея с персональной выставкой не показалась Петрову разумной.

Там же надо выступать, стоять перед публикой навытяжку. Петрову это было не по нутру. Домосед и интроверт. Он был благодарен однокурснику за возможность неплохо зарабатывать благодаря его предпринимательской хватке, но самому стоять в выставочном зале... Говорить с посетителями? Пить шампанское на открытии и объяснять, как пишутся картины? Кто-нибудь вообще из художников может рассказать, как это происходит? В каком отделе мозга срабатывает импульс, дающий команду руке с кистью?

– Так я и звоню для того, чтобы обозначиться. Там три стены, получается примерно по четыре метровых полотна на каждую. Или, как сказал сатирик, маленьких, но по пять. А если больших – то по три. Ха-ха! Общая цена всё равно одна и та же. Короче, шесть твоих картин и шесть моих.

Только это, слушай, старик! Не обижайся, ранимый ты наш. У тебя всё время на картинах, как в песне, «только море да небо вокруг». А тут всё-таки почти персоналка, на двоих одна, может, есть в загашниках что-нибудь из другого жанра? Городские зарисовки, уличные пейзажи – это публикой сейчас востребовано. Натюрморты и портреты, конечно, не твоя стихия. А может, страшно сказать, есть что-нибудь «поближе к телу»? Ну, красавица какая-нибудь, зазноба сердца, возлежащая на диване, как Даная у Рембрандта.

Или всё-таки картинки в стиле «ню» – это для тебя уже слишком? Ну ладно, ладно, не пыхти в трубу, отшельник ты наш... Просто публика сейчас такая, идёт на живца...

Или на живицу, – хохотнул Виталик своей нелепой шутке. – Опять же весна, коты и всё такое... Короче, смотри сам, выставка меньше чем через месяц. Что ты там, наваял шедевров за зиму?

Семибратов знал, что его приятель летом, во время отпуска, на своём «вездеходе», джипе «Мицубиси паджеро» лохматых годов, ездит на пленэры. Благо мест вокруг, полных чудес природы, достаточно. Делает наброски, этюды, а зимой творит свои шедевры.

– Приходи, сам посмотришь. Есть пара картинок, не стыдно людям предложить, а остальные – не знаю. Ширпотреб, как обычно, – Петров не лицемерил, принижая свой труд.

Он на самом деле не понимал, что такого необычного и красивого находят покупатели в его морских зарисовках? Одно полотно от другого отличалось лишь разным рисунком береговой черты, ну, ещё временем суток и года. Хотя зимы в его «портфолио» не так уж и много. Что интересного в тверди льда? Другое дело – живое море. Оно же играет! Волной прибоя, отблеском солнца, тенью от чайки, рябью от ветра...

– Ну, всё, считай, замётано! Завтра с утра заскочу к тебе в мастерскую, выпиши мне пропуск на вахте, не забудь.

Павел осмотрелся вокруг. Все картины в рамках, висят рядком на стенах, хоть прямо здесь выставку открывай. На полках привычный порядок. Как в гараже у автомобилистов советских времён, когда «Запорожцы» и «Москви-

чи» требовали постоянного ремонта и все запчасти аккуратно раскладывались по ящикам и стеллажам – для быстрого поиска нужных. Так и у Петрова в мастерской – всё по полочкам.

За неполных тридцать лет, что он здесь провёл, он мог бы теперь с закрытыми глазами, на ощупь, найти мольберт, кисти, мастихины, коробку с красками, банку с белилами, палитру, лак. Всё на своих местах, всё, как всегда. Рисовать только вслепую не смог бы.

«Что за дурацкие мысли? – ругнул сам себя Павел. – Живи и радуйся, смотри на мир широко открытыми глазами!»

Художник сунул телефон в карман брюк и засобирился домой. На ходу выключил свет, запер мастерскую и вышел из цеха. У турникета заводских ворот попросил вахтёра выписать на завтра пропуск для Семибратова и оставить его под стеклом для следующей смены. От проходной до его квартиры – полчаса неспешным шагом. В любую погоду, утром и вечером, он шёл знакомым маршрутом. Сначала вдоль причальной стенки, потом по внутренней заводской дороге, затем по городским улицам.

Совсем недавно, в каком-то ретроспективном показе по телевизору он посмотрел старый советский фильм «Весна на Заречной улице». Главный герой задушевно пел про «заводскую проходную, что в люди вывела меня». Павел подумал тогда: в люди – не в люди, а кусок хлеба на моей проходной всегда был, и даже с маслом иногда.

Работу по специальности Павел получил случайно. Отчим, боцман сухогруза, выписывал ведомственную газету «Дальневосточный моряк». В отпуске он прочитывал её в день выхода, доставая по субботам из почтового ящика. А когда был в длительном рейсе, мать складывала еженедельник в стопку на обеденном столе, и та вырастала за полгода толщиной в два тома «Войны и мира». Так, за ужином, и попалось на глаза Павлу объявление: «Ремонтному заводу требуется художник-оформитель. Общежитие предоставляется».

Второе обстоятельство сыграло роль даже большую, чем возможность работать по профессии. Петрову до крайности надоели ежедневные поездки на электричке – сначала в художественную школу, а потом и на занятия в вуз.

Старый дом на пригородной станции Чайка – родовое гнездо Петровых – давал кров уже третьему поколению. Дед, построивший его в пятидесятых годах, имел своё представление о комфорте. Просторный зал с тремя окнами на залив, с массивным круглым столом по центру, который, по его представлению, должен был служить объединяющим началом для большой семьи.

Но её не случилось. Родилась только одна дочь, Валентина, мать Павла. Замуж не вышла, но к тридцати её годам ре-

бёнок в доме появился. Престарелые родители уже были рады и такому варианту от непутёвой, по их мнению, дочери...

– А телёночек-то наш в дедову масть, – говорила баба Нюра, глядя черноволосого пацанёнка по голове.

В доме было ещё две крохотных спальни, с кроватями «на чурочках». Опорой для ложа служили распиленные поперёк стволы деревьев – чурки, поверх которых укладывались сбитые в настил доски. А уж на них сверху – перина. Настоящая, куриным пухом набитая матрасовка. Тяжёлая, как поддон с кирпичами, но мягкая и тёплая даже в феврале, в продуваемых северо-западным ветром комнатах. Не учёл, однако, дед-переселенец местную зимнюю розу ветров. В одной спальне обитали дед с бабкой, во второй мать с младенцем.

Была кухня, где кроме печки стоял шкаф, тоже сработанный умелыми руками деда. Шкаф имел гордое название «секретер». На верхнем ярусе хранилась посуда и специи. Стоило открыть стеклянные дверцы, как в нос ударяли запахи корицы, лаврового листа, мяты, чего-то ещё. В середине конструкцию соединяла деревянная столешница, на которой мать кромсала овощи для борща. А внизу, за раздвижными деревянными створками, хранились запасы муки, сахара, крупы. Иногда там попадались и конфеты.

Самодельная мебель пережила своего мастера. А бабушка после похорон деда легла на кровать и через два месяца ушла вслед за ним. Павлу было тогда пять лет, и он почти ничего

не помнил из того времени, только лежащую в спальне бабу Ньюру.

Отца своего Петров не знал. На эту тему в семье не распространялись. Отчество у него было от деда – Семёна Лукича. Отчим в доме появился в шесть павликовых лет, когда мать, уставшая в одиночку справляться с бесконечными бытовыми хлопотами, привела моряка и сказала:

– Дому нужны мужские руки. Будь хозяином, а мы с Пашкой как-нибудь пристроимся.

Несмотря на длинные отлучки в рейсы, дядя Лёша (так Павлику было велено называть отчима) дом содержал отлично. На веранде соорудил кладовую, в которую с пароходов перековывала краска, олифа, кисточки, растворитель, разный слесарный инструмент.

– Команда! Аврал! – Громыхающий с утра бас дяди Лёши-отпускника означал для Павлика работы по благоустройству дома. За каждую окрашенную штaketину отчим платил пацану по копейке. Половину забора покрасил – и можешь бежать в поселковый магазин за стаканчиком сливочного мороженого, которое стоило девятнадцать копеек.

Пашка не считал это трудовой повинностью, не отлынивал. Ему даже нравилось превращать облезшие от солнца и ветра доски в сияющую новыми красками ограду. И запах ему нравился. Только руки всё время были испачканы, как ни старался уберечь их юный маляр.

Дом стоял сразу за железнодорожной платформой. В рас-

писании электричек с двух до пяти вечера был перерыв, и в это время мать, работавшая кассиром на станции, успевала накормить обедом Павлика и усадить его за домашние задания, а потом снова шла на работу.

Мальчишка, побросав книжки в портфель, бежал к своим друзьям, к их общему штабу – старому лодочному гаражу, задней стенкой воткнутому в отвесный берег. Бежать – это выскочить на крыльцо, потрепать за ухо сторожевого Бима и через огородные грядки скатиться по крутой тропинке к берегу моря. Этот путь занимал не больше двух минут.

В штабе всегда было чем заняться. Волны выбрасывали на берег деревья, и их причудливые высохшие корни при умелой обработке превращали деревяшку в чудовище. А с чудовищами принято сражаться – для этого строгались деревянные автоматы, придумывались стратегии и тактики боёв. Летом, в тихую погоду, мальчишки рыбачили, благо червей в огороде – хоть лопатой гребь. Зимой небольшие гладкие участки моря использовались как каток. А иногда по выходным в гости к дяде Лёше приходили друзья по морскому училищу, и тогда они катались по заливу на буерах – лодки с парусами скользили по замёрзшему Амурскому заливу на трёх наточенных коньках.

И, в общем, детство Павла можно назвать беззаботным и счастливым. Отчим не буянил, не обижал, выпивал умеренно, приучал мальчишку к труду и рассказывал моряцкие байки.

– А знаешь ли ты, Павлуша, как называется животное, у которого есть сумка на животе? – спрашивал дядя Лёша у засыпающего мальчика и начинал повествование про экзотическую Австралию.

Что-то из рассказов запоминалось, а что-то заходило в сны – с белыми барашками на зелёных лужайках, с говорящими попугаями, с необычной красотой заморских городов. Где стоит лето, когда у Павлика за окном – зима.

3

Талант у Павла заметила учительница. В третьем классе она посоветовала маме отдать ребёнка в художественную школу.

– Посмотрите, ваш мальчик выбирает необычные сочетания цветов. И у него врожденное чувство пропорций: он располагает объекты на листе в точном соответствии с их масштабами, – после родительского собрания учительница показала матери работу Павла.

Мать пожала плечами:

– Ну, вижу, это кот. Что тут необычного? Такого вообще не бывает – жёлтый кот с красными лапами. Где вы такое видели?

– Знаете, Валентина Семёновна, в жизни такого кота может и не быть, а вот в воображении вашего сына – запросто. Поверьте, у него есть способности. Будет жалко, если вы

не станете их развивать.

Мать молчала, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего.

– Ну, как хотите, – учитель с сожалением закрыла альбом. – Я могу вас понять, это лишние хлопоты. Но если вы все-таки решитесь – рекомендую вам самую лучшую художественную школу в городе. Она недалеко от вокзала, мальчику будет удобно на электричке добираться.

По стечению обстоятельств завод, куда устроился Павел после окончания факультета живописи в институте, и последующей службы в армии, находился в том же районе. Однокурсники посмеивались над Петровым, называли его «маляром шестого разряда». Но смешного в этом не было ничего. Между прочим, по шестому разряду малярам доверялись такие сложные работы, как художественная отделка кают класса «люкс» на пассажирских судах. Своего рода высший пилотаж в профессии – это ему заводские коллеги объяснили.

Но Павел был доволен и счастлив своей должностью художника-оформителя, несмотря на дружеские насмешки.

«Решения XXVII съезда КПСС в жизнь!», «Рабочий, крепи дисциплину труда!», «Не стой под грузом и стрелой!». Агитационные стенды (предвестники рекламы) в цехах и на территории завода, праздничные транспаранты на майские и ноябрьские праздники, оформление Доски почёта, масса других поручений от начальства могли бы ввергнуть в уныние начинающего художника. Но было одно обстоятельство, которое перекрывало все эти нюансы развито-

го социализма.

У Павла была собственная мастерская. В их юные годы никто из однокурсников не мог этим похвастать. Ну, хорошо, не собственная, но в его полном распоряжении. Предыдущий хозяин, Иван Николаевич с необычной фамилией Гроза, собрался на пенсию. И, передавая кисти и холсты молодому сменщику, сказал: «С бригадой дружи, но в пьянках после работы не усердствуй».

Мастерская была оборудована в РСУ – ремонтно-строительном управлении завода. Одноэтажное здание с высоченными потолками и огромными стёклами стояло почти на самой кромке моря. Бригада столяров и плотников обеспечивала производственный процесс, а художник-оформитель занимался «идеологической» работой. Освоившись на новом месте, Петров ходил в отдел снабжения, где выяснил, что краски и другие расходные материалы можно заказывать в неограниченном количестве. Только нужно вовремя подавать заявку.

Через месяц после устройства на работу, ему, как и обещали в газетном объявлении, выделили комнату в рабочем общежитии, в десяти минутах ходьбы от здания РСУ. Павел вошёл в своё персональное жилище общей площадью двенадцать квадратных метров и впервые в жизни понял, что такое счастье. Иметь собственную крышу над головой и возможность жить так, как ты считаешь нужным. На тот момент именно такое определение счастья было созвучно его состо-

янию.

Петров привёз бабушкину перину, мать выделила постельное бельё и посуду. Не сказать, чтобы он сильно переживал по поводу расставания с семьёй и друзьями детства. Во-первых, никакое это не расставание, когда все находятся на расстоянии тридцати минут езды на электричке. А во-вторых, и это главное, – его ощущение своей взрослости, первой зарплаты, самостоятельности. Всё это наполняло Павла предчувствием грандиозных перемен в жизни.

По правде говоря, парень сам не верил такому счастью. Булгаковские строки про собаку Шарика, которому «свезло», иногда вполне можно применить и к человеку.

Возвращаясь с работы «по заводскому гудку», Павел шёл купаться на самый близкий к общежитию пляж. Привычка по вечерам бежать к морю, выработанная с детства, – как жизненная необходимость. Услышать привычный шум волн, набегающих на берег по мелкому галечнику, вдохнуть запах йода. Посмотреть на синеющие через залив очертания дальнего берега, дожждаться огненного заката и увидеть, как солнце прячется за складки зелёных сопок. Неизбежный осенний листопад, мартовский ледоход, промозглые июньские туманы, февральские ветра – все эти повторяющиеся явления делают жизнь, которая течёт по определённым законам, стабильнее. Человек лишь подстраивает себя под круговорот воды, земли и неба. Так и молодой художник встроил себя в ритм нового места и образа жизни.

Бригада приняла его дружелюбно. Павел никогда не отказывал товарищам в помощи по столярной части, если на производстве сдавался очередной объект и объявлялся аврал. Не трудно ведь? Гены деда Семёна и пример трудолюбивого отчима давали о себе знать. Работа с деревом удавалась ему хорошо, приносила удовольствие, как и основное дело художника. Плакаты и транспаранты нужны не каждый день, а потому свободного времени для личного творчества было достаточно.

Осенью, в один из выходных дней, в коридоре общежития Павел столкнулся с сотрудницей отдела снабжения, которая выписывала ему счета на покупку красок.

В кабинете он её особо не разглядывал. Положит бумаги с расчётами на стол:

– Здравсьте, Ирина Николаевна. Заявку вам принёс.

– На складе всё получите через неделю, – без особой любезности отвечала сотрудница.

Вот и всё общение раз в месяц. Ничего особенного, примечательного, что он мог видеть в сидящей за столом молодой сотруднице – короткие светлые волосы, блузка, гора бумаг на столе, подведённые глаза и густо накрашенные ресницы. Только это он и заметил, потому что обычные ресницы – тоненькие, в портретной живописи их почти незаметно. А тут, если рисовать, то чернить придётся не только веко, для акцента на глаза, но и ресницы – метлой, чтобы не потерять сходство с оригиналом.

И запах духов. В небольшом, на трёх сотрудниц, кабинете запах начинался от двери и усиливался с приближением к её столу. Посетителя буквально обволакивало густое облако из приторно сладких ароматов. Очень стойких, как будто не только женщина (или девушка? – Бог знает сколько ей лет), но и стул с мягкой обивкой, и ручка кружки с наполовину допитым чаем, и сам чай, и волосы, и калькулятор, и ластик на столе – всё пропиталось этим запахом.

– Привет, молодой-красивый! Так ты сосед мой, что ли? – пышнотелая девица встала в узком коридоре восьмого этажа, оперев руки в противоположные стены и перегородив Павлу путь.

– Вот не знала! А то давно бы на новоселье напросилась! Я на пятом этаже живу, а тут к подруге забегаю. На чашку коньяку! – рассмеялась девушка.

Петров оторопело смотрел на Ирину Николаевну и не узнавал в ней сотрудницу отдела снабжения. Тонкие ноги, обтянутые жёлтыми леопардовыми лосинами, она скрестила, и, стоя на высоких каблуках синих туфель, покачивала бёдрами, ожидая ответного приветствия. Белая футболка из-за поднятых вверх рук натянулась на груди, и под ней колыхалась, в такт с бёдрами, её зрелая женская сущность. От движения груди исходили волны всё тех же духов, к которым он привык. И они ему уже даже нравились...

Ирина была в разводе с мужем-пьяницей, жила с дочкой Олей в двухкомнатной «малосемейке». В общежитии, стро-

ившемся по типовому проекту, предусматривались бытовые комнаты для общего пользования. Но самые ушлые жильцы умудрялись присоединить их к своей жилплощади путём дополнительного дверного проёма между соседними комнатами. И вот уже полноценная квартира, но без кухни. Зато с ванной комнатой.

Не далее, как полгода назад Ирина купила новую мебель – диван, стулья и трёхстворчатый шкаф. Заполнив его бельём и одеждой, хозяйка оставила одну из ниш незанятой. Для вещей потенциального мужа. Ира прочитала об этом в одной умной, как ей казалось, книжке под названием «Если я такая замечательная, то почему я до сих пор одна?». В этой синтаксической конструкции её волновали только слова после запятой. А в своей неотразимости сомнений не было. Никаких. По рекомендации авторов книги она и оставила одну полку пустой. Готовой к приёму вещей нового жильца.

Разница в возрасте с Павлом в шесть лет не в её пользу Ирину не смущала, напротив, она гордилась этим. И оберегала молодого избранника от местных алкашей, стучавших в двери по-соседски, по многолетней привычке, чтобы предложить выпить её новому мужику.

– А ну-ка быстро все свалили отсюда! – Ира настежь открывала дверь своего, теперь общего для них с Павлом жилища. – Пашка не Сашка! Он художник, не чета вам, алконавтам. И чтоб я вас здесь больше не видела! Как двину сейчас по физиономии твоей синей!

Забулдыги тихо уползали в свои норы, а Ира гордилась своим счастьем, главным условием которого она считала сытый желудок мужчины. И блины на её маленькой кухоньке в простенке между двумя комнатами – их с Пашкой и дочки – всё не кончались. Привыкший к домашнему уюту, тёплым отношениям матери с отчимом, петров думал, что во всех семьях так, и у него – тоже так. Сам вырос без отца, для него чужой ребёнок – не помеха счастью взрослых.

Сразу после окончания школы девочку переселили в его комнату на восьмом этаже. Общежитие вдруг стало обычным жилым домом, с ордерами на комнаты. И, как сказала Ира, чтобы не потерять право на квадратные метры, Ольгу нужно там прописать как ответственную квартиросъёмщицу. А Павла – в их «двухкомнатную». Сама и занялась этим вопросом. А про дочку сказала, как отрезала:

– Не медаль на шее! Хату ей справили, пусть теперь сама крутится. Будет жить одна – быстрее замуж выйдет. Сдадим в эксплуатацию, туда и дорога! – Родительские обязанности к восемнадцати дочкиным годам мамаша сочла завершёнными.

Петров привык к Ирине, замуж официально она не просилась. Жили, да и жили, ни хорошо, ни плохо – как все. Годы шли, детей общих не появлялось. А Павел не очень-то и задумывался о них в свои тридцать с небольшим лет.

– Пашка! Иди сюда, тебя спрашивают! – в дверь мастерской заглянул Володя Калинин, бригадир из цеха.

– Кто там? У меня руки в краске, скажи, пусть заходят, – Петров стоял на коленях лицом к двери, перед ним на полу был расстелен длинный холст, на котором белыми трафаретными буквами художник выводил очередную «агитку» по технике безопасности.

К нему и раньше приходили гонцы от начальства – то с поручениями, то забрать какую-нибудь картину на подарок деловым партнёрам. Павел склонился над работой. Подумал: сами дойдут. Не баре, чтобы встречать их у порога.

– Здравствуйте! Вы – Павел? – окликнул его мягкий женский голос.

Петров поднял голову и, так и стоя на коленях, застыл, будто его заморозили. В правой руке он держал кисточку, краска с неё капала на полотно, заливая только что отцентрованные буквы. Он молчал, девушка ждала ответа. Пауза становилась слишком затянутой, но художник не замечал ни возникшей неловкости, ни испорченной работы – он вообще не мог сейчас ничего. Ни сказать, ни сделать.

Он впился взглядом в женский силуэт, он им питался, он хотел запомнить, запечатлеть в памяти эту нереальную игру радужных красок. Этот волшебный абрис, колышущийся в проёме двери, в потоке солнечного света, струящегося сверху из огромных окон-витрин и пронизывающего шёлко-

вое белое платье насквозь. Как будто и не было его вовсе. Только анатомические подробности женского тела. От контура одежды исходили светящиеся лучи, размывая вполне конкретные линии кроя и делая их неочевидными. Тонкий стан просвечивал сквозь одежду, выдавая ошеломительные пропорции. По плечам у девушки струились чёрные волосы, но они не контрастировали с цветом одежды, а напротив, своей пышной волнистой структурой лишь усиливали воздушность образа. Алым пятном на бледном лице горели ярко очерченные красной помадой губы. Выдавая истину – что это не ангел с нимбом, а реальная молодая женщина. Нереальной красоты.

– Я за картиной пришла. Муж сказал, что у вас можно выбрать. Он директор. Директор завода, – девушка уточнила, от кого она, чтобы художник не сомневался, что всё законно. Хотя какой закон? Тут и без закона всё отдашь... Она говорила, а Павел всё так же стоял перед ней на коленях, поднимая голову вверх. Безнадёжно залитый краской плакат разделял их как неприступная граница.

До художника медленно доходил смысл слов гостьи.

– У нас дом загородный, нужно для интерьера подобрать картины. Муж хочет гостиную сделать в морском стиле, везде штурвалы, якоря... Как на работе, так и дома, такой вкус, я не спорю с ним... У вас есть что-нибудь? Площадь зала большая, я бы выбрала несколько.

Солнце сместилось на полградуса в сторону запада, светя-

щеся вокруг девушки волшебное облако пропало, и Петров встал, наконец, с колен.

– Да, конечно. Здравствуйте. Есть, я рисую, да. Проходите, – Павел отшвырнул ногой в угол заляпанное полотно, испорченное теперь, конечно, полностью, давая проход девушке к картинам.

– Сейчас, я помою руки, извините, пять минут.

В подсобке мастерской у него был свой санузел. Намылив руки, петров мимоходом глянул в зеркало, висевшее над раковиной. Щёки горели, уши, казалось, распухли, глаза блестя жёстким антрацитовым блеском. Сердце выстукивало морзянку с методичностью «SOS».

«Шандарахнуло не слабо, – подумал Павел. – Ну, иди, выполняй приказ директора».

Девушка стояла у картины, которая была написана Павлом два года назад в туманный июньский день. Из-за нечёткости изображения, размытости берегов и контуров пароходов она казалась незаконченной, слабой, несовершенной, поэтому её не брали другие визитёры, и Семибратов для продажи её тоже не оценил.

Но это было не так! Картина была полностью закончена. Петров написал бухту Золотой Рог именно такой, какой увидел её в день, когда впервые поднялся на сопку Крестовую в поисках живой природы.

Позже Петров ещё не раз бывал здесь. В солнечный день с высоты холма открывался пронзительный вид на четыре

стороны света, и везде – вода. Заливы, проливы и бухты, в отдалении обрамлённые грядой сопкок. Петров узнал полуостров, очертания которого с детства на Чайке он видел каждый день. С южной стороны огромным массивом в воду погружён остров Русский. А в северном направлении узкий перешийк в районе железнодорожного вокзала соединял полуостровной район с материковой частью города, разраставшейся вширь и вглубь домами и проспектами. Выход в открытое море определялся небольшим островом с маяком, указывающим океанским судам путь в родной порт.

Петров любил забираться на эту верхотуру. К вершине вела узкая тропа с осыпающимися из-под обуви мелкими камнями, по склонам росли только трава да невысокий кустарник, за которые уцепиться на крутом подъёме было невозможно. Поэтому кое-где приходилось идти как лыжникам на подъёмах – «лесенкой». На финише можно было укрыться от ветра за большими валунами и устроить себе уютное местечко для пленэра. Горячий чай в термосе с железной кружкой, конфеты (Петров любил сладкое с детства), мольберт, краски, складной стульчик. Кроме ветра здесь – тишина, которая в шумном городе была слишком большой роскошью. И ещё на вершине сопки кто-то водрузил крест, вообразив это место Голгофой.

Но в начале лета над всем этим висело рыхлое водяное одеяло – не дождь, не туман, а влажная взвесь, морось, чилима – мелкая дождевая пыль, от которой краски на картине

расплывались, и сделать подмалёвок с натуры было невозможно. Павел набросал карандашом этюды, из которых и родилась потом картина.

– Можно мне вот эту, – девушка показала на туманный Золотой Рог.

Павел пожал плечами. Он старался смотреть не на гостью, а на стену с висящими на ней работами:

– Конечно. Выбирайте любую. Она украсит ваш интерьер? Туман тут, не солнечно. Грустный, в общем-то, вид.

– А мне нравится. Очень тонкая работа. Очертания кораблей размыты, море серого цвета, не такое, как при ярком солнце, дома на берегах сливаются друг с другом, но всё узнаваемо. Слева – наша центральная улица, здесь – порт. Там, вдали – спальный район с многоэтажками, вы их сплошным массивом сделали. Я видела эту бухту с другой точки. Вон с той сопки, слева, над фуникулёром, видите? – Девушка показала рукой в левый угол картины.

– Я жила там, неподалёку. В ненастный день бухта выглядит именно так, как здесь нарисовано. Хотя, наверное, вы правы. Для гостиной это будет не лучший вариант. Муж любит всё яркое, красивое... – девушка оборвала фразу, сочтя, видимо, лишним только что сказанное. – Но я возьму её для себя, если не возражаете. А что вы ещё посоветуете?

– Обычно берут узнаваемое: порт, яхт-клуб, набережную, маяк... Не знаю... Мне трудно судить о вкусах других людей. Я пишу картины не ради соответствия географии, – и Пет-

ров тоже замолчал, не зная, поймёт ли девушка то, о чём он говорит.

– Вы пишете настроение, да? Вы чувствуете эти нюансы – место, запах, вкус, время? – Гостья отвернулась от картин и подняла глаза на художника, ища ответного взгляда.

Петров был немного выше девушки, и теперь была её очередь смотреть вверх. Павел повернулся к ней и оказался в беззащитной близости.

«Что в ней такого? Господи, почему я опять поплыл? Почему кровь бьёт в болевые точки, эти красные губы – так хочется впиться в них, сжать её всю, приклеить к себе, со мной такого никогда не было! Где магнит у неё, я бы за ней, а директор не дурак, старый ведь, зачем всё так? Неправильно. Может, за деньги? Какая она! Хочется потрогать, пальцами провести по шее, по груди... Мучение-то какое. Я бы взял её, здесь, прямо сейчас. Как? О чём ты, Паша? Ей не надо. Предложить нарисовать? Кто я по сравнению с ней? Да никто!» – Петров как будто сжал все свои кровеносные сосуды, чтобы стуком пульса не выдать своего волнения. Он стоял, съедая девушку глазами и не отвечая на вопрос. Он вообще забыл, о чём она его спросила.

Девушка почувствовала смятение молодого мужчины, как будто его биотоки шли через её тело и разжигали в ней жажду равного естества. Она не отвела взгляда, напротив, смотрела куда-то вглубь зрачков Павла, как будто там, за этими чёрными точками, ей открывалась некая истина, нужная ей,

искомая ею. Воздух между ними сгустился, сделав их единой скульптурной группой из двух молодых людей, почувствовавших что-то своё, одинаковое – по мыслям, по коже, по возрасту, по темпераменту. Несколько секунд длилось это бесконтактное взаимное погружение, где оба молча вошли в согласие, доверились, договорились о главном, не говоря ни слова, не прикасаясь друг к другу...

Молчаливая пауза не могла длиться вечно.

– Давайте остальные картины для вас я выберу сам, – и художник решительно повернулся к стене.

Петров стал снимать морские пейзажи и относить их в угол для обертывания типографской бумагой, которая рулоном стояла в углу для подобных случаев. В этой суете он совсем забыл про валяющийся под ногами испорченный плакат и, заслонив себе обзор очередной рамой, споткнулся об него. Девушка инстинктивно подхватила его под локоть, пытаясь остановить падение. Художник справился с ситуацией сам, но руки прекрасной гостьи были так теплы, так близки, так беззащитно слабы в попытке его удержать, что ему хотелось бросить с размаху эту раму об пол, самому обхватить молодую женщину руками, слиться с ней в единое целое...

Но – нет.

Ничего это не случилось. Что тому виной или причиной? Незримая тень мужа-директора? Трусость или ступор перед невиданной красотой? Условности рабочей мастерской?

Знать бы в тот миг, что нужно было делать...

Павел помог донести укутанные работы до багажной двери огромного серебристого джипа «Land Cruiser». Шофёр уже открыл дверцу пассажирской двери, ожидая жену начальника.

Девушка ещё раз посмотрела Петрову в глаза:

– Спасибо вам за выбор. А «Туманную бухту» я повешу в своей комнате. До свидания.

Водитель захлопнул дверь машины и увёз вожделие Петрова в другую реальность...

Павел ходил по мастерской кругами как полярник, вышедший на замеры погодных условий, но потерявший из виду набитые камнями бочки из-под солярки. В них воткнуты столбики с натянутой верёвкой, ухватившись за которую, можно вернуться в точку отсчёта. Где-то совсем рядом вход в тёплое помещение, видно окна, светящиеся сквозь пургу. Но метель, но ветер – где же эта спасительная нить, которая приведёт его к заветной двери?

Художник остановился в том месте, где полчаса назад стоял на коленях перед женщиной, от которой у него свело спазмами не только физиологию, но и душу. Ему тридцать пять лет, почти десять из них – с Ириной. По привычке, по образцу родительской семьи. Без любви, без страсти. Тихо-мирно, обывательски скучно. Обыденно и предсказуемо.

А тут такое... Какое?..

Память воссоздала в проёме двери только что ушед-

ший силуэт. Петров придвинул мольберт и стал набрасывать штрихи к будущему портрету.

Картина долго ему не давалась. Он всё пытался ухватить тот невесомый ореол, что окружал девичью фигуру, дать воздуха, ещё больше воздуха! Кидал белила на полотно, растушёвывал с голубым, с жёлтым – с лучами солнца, бликом неба, но не шло! Добавлял теплинки, остужал фрагмент холодинкой. Не получалось как в жизни! Отвлекал этот белый цвет платья: не ложился в тон, не играл со светом, не передавал того впечатления, что вонзилось ледяным осколком в мозг в первую же секунду встречи.

Павел отшвыривал кисть, задвигал мольберт за ширму, накидывал на него драпировку, не хотел к нему больше возвращаться! Но проходил месяц-другой, и он снова лепил из красок скулы, руки, выводил линию бедра, синеву глаз, копну чёрных волос...

Через год картина была закончена. Не справившись с золотым сиянием, исходившим от платья девушки в потоке солнечного света, Петров решил этот вопрос кардинально.

Нарисовал обнажённую натуру. В стиле «ню», попросту говоря.

Соответствовала ли она образцу, он знать не мог. Догадывался. Додумывал. Мечтал и страдал, трогал, проводил пальцами по полотну, обводил тонкой кистью контурные линии, укутывал от посторонних глаз, открывал для себя и любовался...

Ирина уволилась с работы и объявила Павлу:

– Манала я там за три рубля впахивать! Двадцать лет стажа есть – на пенсию хватит. Ты работаешь, нам хватает, чего я там уродоваться на дядю буду?

И вправду, зарплату художнику платили стабильно, премии – квартальные и к праздникам. Ещё и тринадцатая зарплата – годовое вознаграждение за преданность заводу. Семibrатов тоже молодец, крутился в интересах себя и Павла, это дополнительный доход, непостоянный, но существенный. На дочку Ира денег не отвлекала – та сразу после школы привела к себе на восьмой этаж портового грузчика с хорошими заработками, и сама сидела продавцом в каком-то обувном бутике.

Петров немного напрягся, когда пришли капиталистические времена. На заводе сменились собственники, вряд ли им будет нужен художник в штатном расписании, это лишние затраты на зарплатный фонд. Но он переживал не о возможной потере работы, а о мастерской. Привык к ней. Всё под рукой, свет хороший, недалеко от дома. Где искать новое помещение? Художники с именем получали от городских властей мастерские на Миллионке, в старинных домах исторического центра. Но Петров не был членом их союза, а значит – не положено.

Но всё решилось в его пользу самым лучшим образом. Начальник строительного управления, от которого новым хозяевам теперь не только такелаж требовался, но и живые деньги от коммерческой деятельности, сказал Павлу:

– Власть на заводе меняется, директор продал нас с потрохами каким-то «новым русским». Пока неразбериха, надо пользоваться! Нам твоя каморка погоды в прибылях не делает, а парень ты хороший, не чужой. Плати арендную плату за двадцать квадратных метров и твори, что хочешь и как хочешь. Я половину кабинетов в пристройке на втором этаже тоже в аренду коммерсантам сдаю, живые деньги в обороте всем нужны.

И добавил, теребя в руках пачку каких-то документов:

– Тут разнарядка из управления пришла, ставку художника сокращают. Смотри сам, хочешь – увольняйся, из мастерской не выгоню, если будешь арендатором. А хочешь – столяром оформлю, всё при зарплате какой-никакой будешь. Руки у тебя к дереву привычные, с номенклатурой нашей справляешься. Давай, если не против, иди за паспортом, оформим трудоустройство и аренду, пока другие не позарились.

Павел, не снимая рабочей одежды, сунул пропуск и ключ от дома в карман и пошёл в общежитие. Рядом же, десять минут до дома. На звонок Ира не открыла, ушла, наверное, в магазин за продуктами. Ключ в двери не проворачивался. Павел не мог понять: сломался он, что ли? Может, пацаны

в коридоре общежития баловались, спичек в замочную скважину натолкали? Присел на корточки, заглянул – нет, ничего не торчит, но и не просвечивает, как должно быть. Изнутри закрыто? Постучал в дверь ещё раз, прислушался – какой-то шум. Стул, что ли, упал? Воры? Пятый этаж, не спрыгнут. Павел стоял и не знал, что делать. Милицию вызывать? Так это долго будет, телефонный аппарат только возле магазина на углу улицы, и мелочи в карманах «робы» нет. Или к соседям постучать? Нет, на работе же все, день на дворе. Какая дурацкая ситуация... Уйти, дать им возможность понять, что гости постучались да ушли, и самим бы пора отчаливать? Что там брать у них, господи? Кастрюли да трюмо с поплывшей по бокам амальгамой зеркала.

Петров спустился по лестнице вниз (лифт, как обычно в этом муравейнике, не работал), сел на лавку возле подъезда. Через несколько минут из него вышел здоровый мужик с густыми чёрными бровями и усами. Волосатые руки венчали огромные, как кувалда, кулаки. Петров узнал в нем рубщика мяса с местного рынка «Маячок», куда они с Ириной ходили иногда за парной свиной, и кивнул ему, мол, «здрасьте!». Но тот прошёл мимо, не отвечая.

Подождав ещё минут десять на лавке, Петров понял, что никто больше не выйдет, и решил снова подняться в квартиру, чтобы ломать дверь. Нет там никаких воров, почудилось, конечно же. Замок, наверное, заело, а что остаётся? Придёт Ирина из магазина, открыть не сможет, будет возле двери

с сумками сидеть, ждать его с работы. Павел с силой толкнул деревянную дверь плечом, та не поддавалась. Наверное, ботинком надо стукнуть ниже замка. Петров только хотел сменить диспозицию, как дверь открылась сама.

– Ну что ты колотишься, Павлуша? Я слышу, слышу! – Ирина стояла в проходе счастливая, улыбающаяся, с красными щеками, в узком халате на трёх пуговицах, в промежутках между которыми просвечивало белое упитанное тело. – А ты чего средь бела дня? Заболел? Или пораньше отпустили? Праздник, что ли, какой?

6

В мастерскую он забрал только сумку с одеждой и бабушкину перину. На ночь раскатывал её, днём убирал. Вдруг ещё раз придёт за картинами его муза? А он бездомный спит на полу, как собака. Хотя директор уже другой, что ей здесь делать? Других художников найдут для своих богатых домов. И спросить о ней не у кого. Но вдруг? Может они там второй или третий этаж достроили, или друзьям на подарки. Если картины пришлись ко двору, то может ещё прийти, не проблема же пропуск выписать, как Семибратову.

«Я даже не спросил, как её зовут...» Павел думал о девушке постоянно. Вся предыдущая жизнь с Ириной казалась теперь каким-то абсурдом. На что потрачено десять лет? Его не столько угнетал факт измены, сколько собственная близорукость. Зачем вообще связал свою жизнь с абсолютно чу-

жим по всем параметрам человеком? Так после армии же, дело молодое, завертела Ирина тогда быстро для «дембеля» эту чашу с блинами. Завернула, накормила, обогрела. И он повёлся.

«Всё же не так плохо было у нас? – спрашивал он себя и сам отвечал: – Да что хорошего? Ей дочку надо было поднять на ноги. Так я и не против, меня тоже отчим воспитывал. Комнату в общежитии потерял. Крутанула она эту аферу. Прописку в паспорт мне поставила, а ордер на себя оформила. Что я с ней, судиться буду? Оля там в моей уже с малышом живёт – не выгонять же их. Ирине этот усатый больше подходит, чем я. Руки у меня не пудовые. В таких, как у него, только топор и держать, а не кисть художника. И вес у него больше центнера, явно не мне, худосочному, ровня. Усы ещё, дугой по физиономии. Гусар, куда бы деться...

Наверное, Ирке такой мужик и нужен. А кто я в её глазах? Тонкая кость? Непьющий интеллигент? На разнице с бывшим мужем-алкоголиком? Не того поля ягода? Или вошла во вкус к сорока годам?»

Хоть и не расписаны были, но он считал её женой. А кем его считала она? Петров запретил себе думать об Ирине...

Лето шло к концу, и спать зимой в мастерской было не лучшей перспективой. Да и не дело это. Мужики в цеху, конечно, всё узнали в подробностях. В этом городе все спят под одним одеялом, оказывается. Но никто не шутил по это-

му поводу, не обсуждали его переселение с матрасом, лишь бригадир Калинин, зайдя по дружеской привычке в мастерскую, сказал:

– Баба с возу, коню легче. Отметишь с нами холостяцкую жизнь?

– Да нечего отмечать. Пусть живёт, как хочет. А я теперь сам.

Родной дом Павла в пригороде последние три зимы сдавался студентам под жильё: бесплатно, лишь бы топили печь и не допускали бомжей. Мать, мучимая болями в коленях, уже не могла обихаживать огород, и старики перебрались в городскую квартиру, которую предусмотрительно купил дядя Лёша на моряцкие заработки. Летом они ещё наезжали в усадьбу, черемши да щавеля нарвать, малину собрать, смородину – то, что само растёт и не требует хозяйских хлопот. А когда умер дядя Лёша, то и мать перестала туда ездить.

Сам Петров к земледелию был равнодушен, мотаться на работу на электричке тоже не в радость. Ностальгию вызывали только старые, дедовские ещё вещи. Круглый стол, этажерки с потемневшими книгами, комод в коридоре с грузилами, лесками и крючками для рыбалки. Но не нужно это всё теперь, отжило свой век. И передать некому.

Так на семейном совете и решили: дом продать, а на вырученные деньги купить городскую квартиру и Павлу. Требований к новому жилью было немного – поближе к работе и подальше от бывшего общежития. Вариант нашёлся быст-

ро, его подсказали соседи Валентины Семёновны. Они забрали свою бабушку на постоянное место жительства к себе, а её квартиру подремонтировали, чтоб подороже продать. Сразу и покупатель нашёлся: надёжный, с деньгами не обманет, всё-таки сын соседки, знакомые же люди.

Оформили сделку, и Павел перетащил свою перину в очередное место жительства. На кухню завёз типовую мебель, купил холодильник, чайник, сковородку для утренней яичницы. В зал – раскладной диван и два кресла. Зачем кресла, если в гости он звать никого не собирался? Ну, для комплекта, заполнить квадратные метры. Одна комната стояла пустая, как резерв под мастерскую, если так когда-нибудь сложится. На этом оснащение квартиры Павел счёл достаточным.

Петров был настолько неприспособленным к обустройству собственного быта, что занавесками в его квартире служили простыни, прибитые на два гвоздя по верхнему краю окон. Своего рода броня от поползновений на обустройство случайных теперь в его жизни женщин. Никаких серьёзных отношений он больше не хотел. Нажился.

Матушка, проводив в последний путь дядю Лёшу, воли к жизни не проявляла, болела. Павел как мог помогал ей, ухаживал, мыл, кормил. В последние месяцы перед её уходом он поселился у неё и исполнил сыновний долг до конца.

А когда вернулся к себе домой и снял запылившиеся простыни с гвоздей, в окнах квартиры с высокими потолками

в старинном трёхэтажном доме на берегу Амурского залива его снова приветствовал полуостров, знакомый с детства своими очертаниями.

7

Семибратов зашёл в мастерскую как всегда шумно, с приветствиями прямо с порога, кинул модную, простёганную квадратиками куртку на стул у двери и деловито начал:

– Ну что? Переварил за ночь мою идею? Давай, показывай свои нетленки, я ж у тебя, поди, целый год не был!

– Смотри, всё на стенах, – Павел сел на стул, скрестил руки на груди и молча наблюдал за движением Виталия вдоль стены. Тот, как и положено, рассматривал работы с некоторого расстояния.

– Неплохо, неплохо... Как всегда, старик, ты на высоте. Вот нашёл же себе нишу, «моряк с печки бряк»! Тридцать лет одно и то же красишь, а всё как новое. Завидовать не буду, каждому своё. Я тоже к выставке готов, посмотришь потом, когда оформим всё на точке.

– А тут что? – Семибратов подошёл к мольберту, на котором стояла картина в раме, прикрытая бумажным листом. – Свеженькая?

Он посмотрел на художника, как бы спрашивая разрешения посмотреть.

– Эта красавица пятнадцать лет ждала, пока тебе понадо-

бится. В стиле «ню», как ты говоришь. Или обнажённая натура, как учили в институте. Посмотри. На выставку я тебе её не дам, не по теме будет. Ну, просто так глянь, зацени. Увидишь не только море в моём творчестве, – Павел встал, подошёл к мольберту и убрал бумагу, закрывающую полотно от взгляда случайных визитёров.

Семибратов, увидев портрет, сначала вздёрнул брови, расширил от удивления глаза до размеров как у обезьянки лори, потом произнёс нечто вроде «йоу» или «ёпрст». Затем наклонился, разглядывая лицо девушки, выпрямился, с изумлением посмотрел на Петрова и снова – на портрет в полный рост. В недоумении он обратился к художнику:

– Пашка! Вот это новости! А ты откуда Лику знаешь? Ничего себе, молчун-отшельник! Употребил в соответствии, что ли? Она ж тут ещё молодая совсем! Каким боком ты с ней? Когда успел? Да ты погоди, она позировала тебе, что ли? Прямо здесь?! – Вопросы сыпались один за другим, без паузы на ответ. – Ну, ты даёшь стране угля, хоть мелкого да много! Ничего мне про неё не рассказывал. Так это до Ирки было или после? Или во время того?

Виталий развёл руками и, так и забыв опустить брови и руки на место, с восхищением смотрел на картину.

– Как же хороша, зараза, а! Ты ж посмотри, какие там прелести-то прятались! Ты видел всё это, что ли? А, Петров? Затворник ты наш... Волк-одиночка. Да ты настоящий волчара, через пень твою коромысло! Что она вот так и стояла,

голышом у дверей? Где ты её закадрить успел? Это до того, как она за директора замуж вышла, молодая ж тут совсем ещё? Потом-то вряд ли, когда в ежовых рукавицах оказалась.

Павел не ожидал, что тайна, которую он хранил полтора десятка лет, раскроется в пять секунд. Озадаченный этим обстоятельством, он не знал, как комментировать домыслы друга.

– Так её зовут Лика? – Павел Семёнович не ответил ни на один вопрос Виталия, но задал свой.

– Ну да, Анжелика. Но ей не нравилось, как в романах бульварных, про короля и Анжелику, и она представлялась всем Ликой. Постой, – приятель обернулся к художнику. – Ничего не понял, честно. Девку-красавку голой ты видел, а имя её не знаешь? Как так? Или это не повод для знакомства? Семибратов прищурил один глаз и ждал от Петрова подробностей.

– Не был я с нею. Не раздевалась она, не скалься. Это я нафантазировал. – Художник взял бумажный лист и снова накрыл им полотно. – За картинами приходила. Давно, как директорская жена.

Он уже жалел, что показал портрет. Если б знал, что Семибратов узнает девушку – ни за что бы этого делать не стал. Оправдывайся сейчас, было – не было... Не было! И быть не могло. Не ровня. Держал столько лет в тайне, нет же, гордыня повела. Похвастать захотел? Кто-то рыб рисует, кто-то натюрморты, мода пошла ещё портреты в старинных одеж-

дах писать. А кто-то краску с кисточки смахнёт на полотно – и уже авангардизм, творческий почерк.

«А у меня что? Берег и море? Прилив и отлив? Заезженная пластинка. И это всё, что я могу? А теперь доволен? Портретом этим ты удивил приятеля?» – Петров злился на себя, что показал работу Виталию. Просто он уже смирился с тем, что его муза больше никогда к нему не придёт. И ждать напрасно. Время ушло безвозвратно, почему бы и не показать другу, раз просит. Но дело здесь не в картине, не в том, что она открылась постороннему, а в том, что тайна исчезла. Была только его, личная, знакомая незнакомка. А оказывается, и Семибратову знакомая. Ну, значит, портрет удался, раз узнал её спустя много лет.

– Пашка, картина зачётная, – Виталий уже не улыбался, видя, что настроение у друга испортилось. – Ты молодец, талант в разных жанрах. Ты и в институте был лучшим, завяз только на этом заводе, не поднялся. Но на выставку она, конечно, не пойдёт.

– Анжелика не пойдёт? – Петров перебил Виталия своим вопросом.

– Картина не пойдёт, не впишется в композицию. И Лица тоже, конечно, не пойдёт. Она ж не видит почти, что ей там смотреть. Вернее, как смотреть? – Семибратов, заметив, как нахмурился при этих словах Петров, умолк. Что знает о ней Павел? Хочет ли вообще что-нибудь знать?

– Ты давно её не видел, получается?

Петров вздохнул, передвинул мольберт портретом Лики в дальний угол мастерской. И ответил:

– Ни разу после того, как она приходила сюда за картинами. Директор сменился у нас, уехали, наверное, куда-нибудь. Или другой завод купили. Думал, придёт ещё, но не случилось. Пусть портрет в подсобке и дальше стоит, потом кто-нибудь откопает среди ветоши.

– Так ты ничего о ней не знаешь?

– Нет. Откуда? Пришла, выбрала картины для своего шикарного дома и ушла. Мы и не говорили почти, так, парой слов перекинулись. Ко мне не часто такие ходят. Да я, по честному, таких и не видел никогда больше. И до этого тоже. Такие только в жёнах у больших начальников. Ну, как запомнил, так и нарисовал. Она, конечно, в платье была. Это я уже нафантазировал тут... Что там с глазами у неё? Ты сказал, плохо видит? Что произошло?

Семибратов сел за стол у стены и жестом показал на стул рядом с собой.

– Садись. В ногах правды нет.

8

– Ты видел её молодой, красивой и здоровой. И я видел. Если б не моё шаткое финансовое положение, ты же знаешь, я «в примаках» у семьи жены, было что терять тогда, то сам бы придумал. Такую девушку грешно мимо себя про-

пускать. Ну и директор не дурак, не пропустил, хотя на двадцать лет её старше.

Ты же помнишь, какой дефицит всего был во времена перестройки? Ничего в магазинах, шаром покати! Ни одеться, ни поесть, бычки в томате в продовольственных, колбаса по карточкам, кило на месяц на семью. Кошмар, как вспомнишь сейчас...

У меня тёща в первом горпищеторге товароведом работала, нас особо не коснулось. Но со шмотками перебои были. Жена как-то два часа на морозе простояла, чтобы сапоги финские купить в магазине «Елена». Давка, неразбериха, принесла коробку домой, а там два сапога разного размера. Так и носила, а что? Один тридцать восьмой размер, другой тридцать девятый. Хорошо, что в большую сторону непарка получилась, не жали хоть.

Так я к чему? Всю одежду приходилось шить, и, естественно, ценились личные портнихи. Вот Лика и была таким ценным приобретением для женщин с доходами. Для таких, как моя Варвара. Ну ты понимаешь, тесть для единственной дочки ничего не жалел, не я там кошелёк пополнял, откуда мне, с картинами-то.

Это сейчас их называют дизайнерами, стилистами, а раньше просто – портниха. Она с образованием была, институт местный по швейному делу закончила. Но бедная, сама из районного центра какого-то, деревня, одним словом.

После учебы хваталась зубами за город, чтобы не возвра-

щаться домой. Снимала угол в полуразрушенном частном доме возле Технологического института и шила на заказ богатым дамочкам. Кстати, ты замечал, что в том районе все улицы носят названия по фамилиям писателей? Фонвизин, Гоголь, Ломоносов, Некрасов... Я недавно на это внимание обратил, интересная забава. Да ты ж тут безвылазно на этом полуострове, тут у вас улицы сплошь Морские да Портовые... Слушай, есть у тебя чай?

Петров встал со стула, пошёл в подсобку. Налил воды в электрический чайник, включил. Из шкафа над столом достал печенье в бумажной обёртке, коробку с пакетиками чая, небольшую вазочку с конфетами, поставил кружки.

«Портниха. Из бедной семьи. Пробивалась шитьём. Как-то не вяжется с тем обликом, что явился мне в золотом свечении», – подумал про себя Петров и снова сел за стол напротив друга.

– Ну, собственно, от жены моей, Варвары, я о ней и знаю. Потому что несколько лет подряд она ходила к нам в квартиру на примерки жены и тётчи, обшивала их полностью. А потом однажды пришла и сказала, что вышла замуж, и супруг запретил ей по чужим домам шастать. Жена, конечно, по своим каналам всё узнала, город маленький. Оказалось, что Лика шила и для супруги директора твоего тоже. И он однажды увидел эту красавицу, принесшую заказ для его жены. Сначала предложил услуги своего шофёра, подвезти вечером до дома. А потом и сам приказал водителю привезти

его к дому, куда тот доставлял девушку на днях.

Старой жене были даны отступные в виде квартиры в центре города и солидного счёта в банке. А директор с молодой женой поселились в загородном доме. Ну, и наследник ему нужен был. Дочка от первого брака денег взяла и уехала жить в Америку. А куда честно заработанное на заводе девать? Он потом развернулся ещё больше – скупил земли, стал там строить склады, таможенные дела какие-то, я подробностей не знаю. В общем, денег было много, а стало ещё больше.

Сына он от неё хотел, думал, раз молодая, значит, родит по-быстрому. Чтобы передать всё управление по-родственному, не зря чтобы колотился сам по жизни. А возраст-то у него уже к полтиннику был, спешить-бежать. А она никак. Звонила моей жене по старой дружбе, плакала. Жалела, что пошла на поводу у богатого. Хотела своё дело по модным делам завести, думала, супруг поможет деньгами, поэтому и вышла за него. А он наоборот: сиди и не позорься. «Тебе что, денег не хватает? Давай лучше ешь, набирайся сил, да рожай мне!» А не получалось. Исхудала вся, извелась, бледная была как святой дух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.